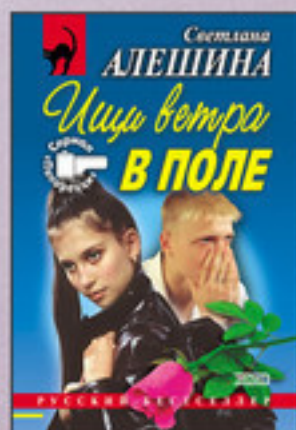

Светлана Алешина

Радость вдовца

Часть сборника
Ищи ветра в поле (сборник)

Папарацци

Светлана Алешина

Радость вдовца

«Научная книга»

2000

Алешина С.

Радость вдовца / С. Алешина — «Научная книга»,
2000 — (Папарацци)

«...— Ну вот, вы уже начали нервничать, — разочарованно улыбнулась я, — а я только приступила к расспросам. Вот вам, например, кто-нибудь угрожает?— У меня были когда-то трения с людьми, жадными, так скажем, до чужих денег, — гораздо спокойнее сказал Хмельницкий, — но я уладил эту проблему.— Вы хотите сказать, что у вас были разборки с бандитами? — без прочих околичностей спросила я.— До разборок не дошло, — улыбнулся Всеволод, — просто я предпочел платить представителям государственного рэкета.— Милиции, вы хотите сказать?— Вот именно, — кивнул он, — хотя большой разницы между ними не вижу...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Светлана Алешина

Радость вдовца

Глава 1

– Мне кажется, ничего лучше мы не подберем. – Я стояла рядом с Маринкой, которая в течение целого часа испытывала на прочность мои нервы.

Она примеряла уже не знаю какой по счету наряд из моей «коллекции». Когда я дала согласие отправиться сегодня вечером с ней в ресторан, то и не предполагала, что меня ждет такая тяжелая и нудная работа, как вытряхивание из шкафа моего, по словам Маринки, «залежалого шмотья». На этот раз она вертелась перед зеркалом, приложив к себе светло-бежевый костюм из «шотландки» в коричневую клетку.

– Нет, – скуksилась она, – что я, на деловую встречу иду?

Она решительно отложила костюм и смело атаковала гору платьев, жакетов и жилеток.

– Вот, – возбужденно крикнула она, выудив очередную находку – красное декольтированное платье с эффектной отделкой.

– Ну, это слишком, – скептически качнула я головой, – ты же не на торжественный прием отправляешься.

– А ты в чем пойдешь? – поинтересовалась моя подруга.

– Я еще не решила, пойду ли, – вознамерилась я тоже в свой черед пощекотать ей нервы.

– Как не решила! – испуганно округлила она свои бесстыжие синие глаза. – Нас уже ждут, я договорилась! Ну ты даешь! – Она обиженно поджала губы и рухнула на диван.

Еще минута, и она бы разревелась. Самым банальным образом.

– Ладно уж, – вздохнула я, – пойду, но только если ты пообещаешь, что через десять минут я увижу тебя в подходящем туалете!

Я гордо и неспешно покинула гостиную.

Я включила воду и встала под душ. Что вам сказать о моей секретарше и подруге в одном лице? Пожаловаться на ее мелкое, чисто женское тщеславие, которое болезненно-сговорчиво реагировало на внимание со стороны мужчин, причем, исключительно обеспеченных или подающих надежды. Или поведасть тысячу грустных историй, в которые она меня втягивала – они, хоть и заканчивались всегда счастливо для нас обеих, стоили мне потрепанных нервов и чудовищных усилий.

Или рассказать вам совершенно жуткую по своим последствиям для неразговорчивого, но глубоко ранимого Виктора, нашего редакционного фотографа, историю их с Маринкой отношений, напоминающих своей непроясненностью и загадочностью туманность Андромеды? Или поделиться с вами сомнениями относительно ее суждений, надиктованных ей в часы житейских откровений демоном тоски и вздорного честолюбия? Ладно, обо всем этом я до времени умолчу, скажу лишь, что сегодня мы с ней приглашены на вечер. В ресторан. Во французский. Приглашены двумя немолодыми солидными джентльменами, холостыми и падкими до женского шарма. Я еще не разобралась, с кем предстоит мне сегодня вечером поддерживать дипломатические отношения: со Всеволодом Александровичем или с Аркадием Васильевичем.

Оба, по Маринкиному описанию, в очках. Оба еще не растолстевшие, понимающие толк в женской красоте и искусстве, оба – верх галантности и предупредительности. Как славно, что на нашей планете еще встречаются подобные реликты. Конечно, Маринка могла преувеличивать, даже врать. Делала она это, по собственному ее признанию, из желания приукрасить

жизнь, расцветить ее, так сказать, красками своего буйного воображения. Это я ей тоже прощала, как и многое другое.

Абрикосовый гель для лица фирмы «Мэри Кэй» так же, впрочем, как и супы «Галлина Бланка», был моей давней, можно сказать, застарелой слабостью. Он – я имею в виду гель – придавал коже волшебную шелковистость и в то же время не оставлял неприятного ощущения несмытого мыла. Я позволила себе два раза нанести его на кожу. При необходимости он мог заменить духи.

Ополоснувшись под душем, я растерлась большим полотенцем и, завернувшись в халат, приблизила к зеркалу свое немного покрасневшее лицо. Тщательно изучила и отправилась в спальню делать макияж. По пути, естественно, заглянула в гостиную. Маринка продолжала рыться в моих вещах. Ничего ей не сказав, я занялась своей физиономией.

– Вот, – радостно распахнула она дверь в спальню, – наконец-то!

Она напялила светло-серое шелковое платье, а поверх него – идущий с ним в комплекте ажурный жакет, затканый серебристой нитью. Я воздержалась от замечаний, что, мол, этот туалет тоже слишком помпезен для встречи с двумя немолодыми джентльменами.

– Да-а, – сдерживая ироническую усмешку, сказала я, – это то, что нужно.

– А ты, а ты? – запрыгала она вокруг меня.

Я меланхоличным жестом показала на висевший на плечиках наряд. Черное платье с умеренным декольте. Но к нему прилагался мужской галстук. Это должно было взволновать не одно мужское воображение. Маринка про галстук ничего не знала, поэтому, небрежно потеряв мой «скромный» туалет, скептически усмехнулась и вопросительно посмотрела на меня.

– Не слишком ли мрачно?

– Как раз, – лукаво улыбнулась я, – к чему выпендриваться?

– Значит, ты считаешь, что я выпендриваюсь? – насупилась она.

– Нет, – покачала я головой, – это платье в твоём стиле, ты же не любишь темные тона.

– Это правда, – выразительно вздохнула Маринка.

Когда же я нарядилась, Маринка восхищенно присвистнула.

– Как это эротично, – пропела она своим звонким голосом, – галстук на голом теле!

Плечи открыты, а все остальное утопает в первозданной ночи!

Порой в Маринке просыпался поэтический дар. Это я ей тоже прощала.

* * *

«Ладу» свою я оставила киснуть под мокрым снежком во дворе. Я не хотела отказывать себе в бокале белого вина. Красные вина вместе со старушкой зимой мне не терпелось проводить. Предчувствие весны кружило голову, и хотя меня нельзя было, как Маринку, назвать сентиментальной особой, я всей кожей ощущала присутствие в воздухе чего-то волнующе-свежего и многообещающего. Когда заказанное нами такси просигнало три раза под окном, мы спустились во двор и заняли заднее сиденье желтой «Волги».

Ресторан «Триумфальная арка» располагался на одной из центральных улиц. Я не раз бывала там, а вот Маринка впервые сподобилась чести быть туда приглашенной. Блюда королевской кухни соседствовали в меню с кушаньями, приготовленными согласно рецептам провинциальной кулинарии. Но все было отменно вкусным и изысканным. В ресторане царила атмосфера Франции, хотя в оформлении интерьера чувствовалась некоторая эклектичность.

– Они уже здесь, – воскликнула Маринка, энергично кивая в сторону синего «БМВ» последней модели, – на ней Сева ездит.

– Всеволод, хотела ты сказать, – жеманно поправила я ее, – значит, мне предстоит заниматься Аркадием.

Маринка расслышала в моем вопросе иронию и отреагировала надутыми губами и оскорбленным видом.

– Да никем тебе не надо заниматься, – вспыхливо ответила она, – это тобой займется, – с горделивой интонацией добавила она.

Мы расплатились с таксистом, пожелали ему счастливого пути, так как уже успели с ним познакомиться, и направились в ресторан. Оставив шубы в гардеробе, мы еще минут десять вертели перед зеркалом и, только придав своей внешности должный вид, отправились в зал.

Небольшое помещение было заполнено людьми, в основном, культурными и состоятельными, которым французский колорит и французские вина придавали бойкую живость, отличающую если не парижан, то уж марсельцев – точно. Не успели мы наглядеться на эту жующую, пьющую, говорящую и жестикулирующую публику, как к нам устремились наши кавалеры.

Оба невысокого роста и в очках, как обещала Маринка. Тот, чья внешность напоминала итальянского мафиози в облагороженном варианте, и очки которого были темными, как стекла моей машины, сдержанно улыбался. Он подал Маринке руку. Я догадалась, что это и есть Всеволод, глава фирмы по торговле оргтехникой.

Среднего телосложения, с густыми волнистыми черными волосами и бородкой, в элегантном черном костюме, с шейным платком вместо галстука, он производил впечатление человека, разбогатевшего не в последнее десятилетие, а потому уже успевшего соприкоснуться с западными идеями и западным лоском. На мизинце протянутой Маринке руки сверкнул эффектный плоский черный камень треугольной формы.

Тот, кого звали Аркадием Васильевичем и кто предназначался мне, заметно уступал своему приятелю как внешностью, так и прикидом. На нем была черная рубашка из тонкого вельвета, пиджак «в елочку», давно вышедший из моды, и серые брюки. Пепельно-седоватый ежик, настолько короткий и жиденький, что сливался с огромными залысинами, покрывал его несколько приплюснутый череп. Мелкие черты лица делали его физиономию до смешного непримечательной. Казалось, все обаяние и прелесть этого невысокого щуплого мужичка, которого я тут же про себя окрестила «гомункулусом», сосредоточились в его умном, хитроватом взгляде и благодушной улыбке.

– Знакомьтесь, – затараторила Маринка.

Я давно привыкла к тому, что испытываемое ею волнение прежде всего давало о себе знать в ее учащенном дыхании и темпе речи.

– Моя подруга Ольга Бойкова. А это, – лукаво улыбнулась она, делая плавный жест рукой, – Всеволод Александрович и Аркадий Васильевич.

Всеволод Александрович галантно наклонил голову, мол, польщен, и скупой улыбнулся. К хитровато-благожелательному взгляду Аркадия Васильевича добавилась еще спокойная улыбка.

– Рад познакомиться с такой обворожительной красоткой, – шутливо процедил он.

Голос у него был такой же тихий и осторожный, как и его великолепная в своей ускользающей, квазиджокондовской прелести улыбка.

– Взаимно, – застенчиво улыбнулась я, потому что, несмотря на неброскую внешность и совсем не мужскую, кошачью поступь, Аркадий Васильевич мне положительно нравился.

Я понимала, почему Маринка предпочла «итальянца» Всеволода. В его осанке и, главное, в выражении лица, в сомкнутых губах и резко очерченном подбородке читалась мужская сила, привыкшая покорять высоты бизнеса и женские сердца. И только когда он за столом на секунду снял очки и я увидела его «неаполитанские» очи, убедилась, что вся эта обаятельная мужественность не лишена определенной чувственности, если не сказать, слащавости. Но чувственность эта была какой-то холодной и отстраненной. Опытный зрелый мачо – наконец внесла я его в классификационную таблицу, которая незримо и упрямо присутствовала в моем мозгу. Маринке всегда нравился этот тип мужчин, сильных и сластолюбивых.

– Для дам у нас «Шато де Берн», – плутовато улыбнулся Аркадий Васильевич, – а мы коньячком балуемся.

Он скосил свои почти бесцветные глаза на Всеволода Александровича и даже подмигнул тому. Знойный мачо ответил многозначительной улыбкой, но ничего не сказал.

«Забавно, – подумала я, – может, он немой?»

– Дамам мы можем, кроме того, предложить прекрасный венгерский токай и бальзам на десерт, – противореча моей комичной догадке, произнес он глухим баритоном.

– А я думала, здесь все французское, – наивно сказала Маринка, чем вызвала у джентльменов чуть более открытые, чем прежде, улыбки.

– Не только, – весело возразил Аркадий Васильевич, – Серж, – поманил он официанта, циркулирующего со сдержанным достоинством между столиков, блондина в длинном фартуке.

– Что месье желают? – склонив голову, елеинно полюбопытствовал подошедший Серж.

Мы с Маринкой пилились в меню. Причем я всячески пыталась помочь ей с выбором блюд.

– Только не заказывай телячьих хвостов и лягушек, – иронично шепнула я ей на ухо.

Аркадий вознамерился, как я поняла, продиктовать заказ. Видно, они с Всеволодом уже заранее все решили.

– Помидоры со сливками, яйца под зеленым майонезом, суфле из сыра – два, цыплята маренго, треска а-ля гурмэ, парфе лимонное и крем с шампанским. Та-ак, – раздумчиво протянул Аркадий Васильевич, кофе, конечно, но позже... «Реми Мартен» – два по пятьдесят. Пока все.

Серж сосредоточенно и ловко записывал в миниатюрный блокнотик названия блюд.

– А что закажут дамы? – с ленивой улыбкой осведомился Аркадий Васильевич.

– Салат с крабами и грибами, салат овощной, рыба, фаршированная грибами, – две порции, и два малиновых мусса, – непринужденно, словно речь шла об обеде в редакции, сказала я. Маринка бросила на меня взгляд, полный признательности и уважения.

– Что же касается вина, – томно улыбнулась я, – то наши кавалеры уже о нас позаботились.

Я стрельнула глазами в стоящую на столе бутылку розового «Шато де Берн».

– Неплохо, – оценил наш вкус меланхолично облокотившийся локтем о спинку стула Всеволод Александрович.

Когда Серж ретировался, мы принялись обсуждать французскую кулинарию.

– И все-таки пища эта нездоровая, – решила я внести критическое зерно в то трепетное отношение к французской гастрономии, которое начало меня уже утомлять, – китайская кухня намного полезней для здоровья.

– Менее вредна, хотели вы сказать... – с пренебрежительной усмешкой добавил «мачо».

– Пусть так, – неохотно согласилась я, – жаль, что у нас в городе нет китайского ресторана.

Звучала музыка Леграна. Для танцев помещение было тесновато, но если захотеть, можно было найти местечко среди танцующих пар. Только вот топтаться в обнимку с «мачо» или «гомункулусом» я не жаждала.

– Ваша фирма, я слышала, торгует оргтехникой, – обратилась я к вальяжно сидящему Всеволоду.

– Торгует, – равнодушно ответил он, – но лучше спросите, чем занимается Аркаша.

– И чем же? – улыбнулась я.

– Торгует французским кафелем и плиткой, французскими обоями, раковинами, ваннами, зеркалами, коньяками, духами и так далее, – рассмеялся «мачо».

– О, оставь, – взмахнул рукой Аркадий, – кому это интересно?

– Расскажи девушкам, как ты недавно ездил в Ниццу или еще что-нибудь в этом роде, – продолжал Всеволод, – это, поверьте, – повернул он ко мне голову, – интересней, чем обсуждать страхи компьютерщиков по поводу двадцать девятого февраля.

– Думаете, эти страхи оправдаются? – подхватила я.

– Не знаю, – скептически пожал Всеволод плечами и, скрестив руки на груди, закинул голову.

Здесь нам принесли наш заказ. Разговор опять перешел на французскую кулинарию.

– Расскажите о Ницце. В Париже я была, а вот на юге Франции... – попросила я Аркадия, чтобы пресечь гастрономическую тему.

– Лучше съездите сами туда, – неожиданно ответил Аркадий, – залив Ангелов, пальмы, Английский променад, старые миллиардерши с болонками, лимузины и дорогие отели...

Он устало вздохнул.

– Но я там работал, а не отдыхал, ездил в Грас на парфюмерную фабрику, на заводы, интересовался керамикой Биота, которая могла бы стать новым направлением моего бизнеса. Марина говорила мне, – он вдруг резко переменял тему, – что вы занимаетесь журналистикой. Может, поделитесь с нами своими планами?

– Нет. – Я с улыбкой покачала головой. – Нечего рассказывать. В нашей глубинке редко происходит что-то выдающееся, но уж если что-то случается, мы должны об этом знать.

– Неужели так ничего и не случается? – Аркадий поднял на меня лукавый взгляд.

– Если вы следите за прессой, – ответила я, – то всегда будете в курсе происходящих в городе событий.

Всеволод, пока мы беседовали с Аркадием, следил за тем, чтобы Маринкин бокал не пустовал, а она не забывала его опорожнять, чтобы хоть чем-то занять своего партнера. Как-то так получилось, что мы вели не общую беседу, а разбились на пары. За мной ухаживал Аркадий. «Вот ведь, – думала я, когда мы ненадолго замолкали, – пройдешь мимо такого на улице и не заметишь, а стоит поближе познакомиться, и в человеке открываешь что-то, узнаешь его мысли, его оригинальные суждения о жизни, поэзии, литературе».

Аркадий тоже подливал мне в бокал, только, в отличие от Маринки, я не злоупотребляла розовым «Шато де Берн». На то были свои причины. Алкоголь действует на меня довольно однообразно: после второго фужера меня начинает неумолимо клонить ко сну, и я ничего не могу с собой поделать – глаза сами собой закрываются, голова склоняется на грудь, ну, и так далее. Наверное поэтому я предпочитаю качественные напитки и в небольших количествах. Могу с одним бокалом шампанского просидеть целый вечер, но если переберу, то есть выпью два или больше, – нужно срочно добираться до дома и до своего четырехногого друга – дивана.

Маринка, поболтав немного с Всеволодом, которого она уже называла Севой, утащила его танцевать, оставив меня наедине с Аркадием. Тот, видя такое дело, пригласил меня. Мне не особенно хотелось толкаться на маленьком пятачке, но танцевать я люблю и поэтому согласилась.

Когда закончилась мелодия, мы все вчетвером заняли снова свои места за столом и продолжили ужин. Только спокойно посидеть нам не дали. Через столик от нас сидела компания в малиновых пиджаках, сквозь которые играли бицепсы. Крепкие круглые головы молодых людей, хоть и были довольно большими, не предполагали соответственного количества мозгов. Когда снова заиграла музыка, один из парней поднялся и направился к нам.

У него было довольно правильное, не отягощенное осмысленным выражением, полноватое лицо, крепкие ноги и бегающий взгляд.

– Потанцуем? – Он протянул мне руку и не моргая посмотрел на меня.

Я взглянула на Аркадия и покачала головой.

– Девушка не танцует, извини, – невозмутимо произнес Аркадий и снова принялся за еду.

– Я не тебя спрашиваю, козел, – рыкнул «малиновый пиджак», – я к девушке обращаюсь.

– Нет, – миролюбиво, но решительно сказала я, – не сегодня.

– Пойдем, я приглашаю, – настаивал парень.

Он начинал нервничать, это я заметила по вздувшейся жилке у него на виске.

– Я же сказала, не сегодня, – как можно мягче произнесла я.

– Кончай выделываться, – «пиджак» схватил меня за руку и потянул из-за стола, – пошли.

Я вырвала руку из его потных пальцев и посмотрела в сторону входа, где стояла охрана. Там уже заметили наш инцидент, и охранник, поигрывая резиновой дубинкой, не спеша направился в нашу сторону: видно было, что ему не слишком-то хочется связываться с этими «крытыми» ребятами.

– Юноша, – Аркадий поднялся и отстранил парня от стола, – тебе же ясно сказали, девушка не желает с тобой танцевать.

– Че ты сказал, козел? – «Парень» схватил Аркадия за лацканы пиджака и привлек к себе.

Его приятели, повернув головы, с интересом наблюдали за происходящим. Аркадий был на полголовы ниже своего оппонента и на пару десятков килограмм легче. «Скорее ты двигайся», – мысленно поторопила я охранника, который был уже на полпути к нашему столику. Что произошло в следующее мгновение, я не совсем хорошо поняла. Мне показалось, что парень собирался швырнуть Аркадия в проход между столами, а тот держится руками за его кисти. Но броска почему-то не последовало. Парень присел, как будто на него навалилась какая-то сила, и оказался стоящим перед Аркадием на коленях.

– Если ты еще раз, петух гамбургский, – услышала я шепот Аркадия, который обращался к парню, – еще раз приблизишься к этому столику, я тебе мозги вышибу. Понял?

Теперь я увидела, почему «малиновый пиджак» опустился на колени: оказывается, Аркадий каким-то ловким приемом заломил ему кисти.

– В чем дело? – наконец-то приблизился охранник – высокий стройный парень в серой рубашке с короткими рукавами.

– Спроси у него, – Аркадий небрежно кивнул на моего обидчика и, слегка отпихнув его, отпустил его руки.

– Да ты, в натуре, – вскочил тот, но охранник преградил ему путь резиновой дубинкой.

– Есть проблемы? – с улыбкой превосходства поинтересовался охранник.

– Будут, – зло ответил парень в малиновом пиджаке и пошел к своему столику, где его ждали ухмыляющиеся приятели.

Аркадий сел за стол, опрокинул в себя рюмку коньяка и закурил.

– Здорово, – восхищенно проговорила я, – а я уж думала – у нас сегодня будут неприятности.

– Армейские навыки еще сохранились, – снисходительно улыбнулся Аркадий.

– Вот почему я хочу уехать из этой страны, – возмущенно произнес Всеволод, пальцем поправляя очки на переносице, – даже в таком приличном, казалось бы, заведении, нельзя спокойно отдохнуть. Все время ожидаешь какого-то подвоха. Думаешь, они успокоятся? – обратился он к Аркадию.

– Какая разница, – пожал тот плечами, – главное, что сейчас они утихли. Я думаю, мы должны пойти потанцевать, – он встал и подал мне руку.

Я не считала правильным его поведение в данном случае: он еще больше мог раззадорить «малиновых пиджаков», но отказаться было неудобно, и я с улыбкой приняла его приглашение. Следом за нами поднялись и Маринка с Всеволодом. На этот раз играли что-то быстрое, кажется, рок-н-ролл. Аркадий прекрасно танцевал, он был в ударе и выделялся на небольшом пространстве замысловатые па. Я тоже старалась от него не отставать. Рядом двигались Маринка и Всеволод. Как только мелодия закончилась, Маринка потащила меня «поправить прическу», как она выразилась. Через несколько минут мы вернулись и уселись за столик, где в одиночестве сидел Аркадий.

– А где Всеволод? – беспардонно поинтересовалась Маринка.

– Ему тоже надо поправить прическу, – иронично отозвался Аркадий. – Давайте выпьем.

Пока мы ходили, на столе появился небольшой графинчик, как я предполагала, с коньяком и новая бутылка «Шато де Берн». Рюмки наших кавалеров были наполнены, Аркадий налил вина Маринке и плеснул немного в мой почти полный бокал. К этому моменту подтянулся и Всеволод.

– За что будем пить? – он обвел глазами всех сидящих за столом и поднял свою рюмку.

– Конечно, за женщин, – лукаво улыбнулся Аркадий и, коснувшись своей рюмкой наших с Маринкой бокалов, сделал небольшой глоток.

Его лицо исказила гримаса боли, рот скривился, глаза затуманились. Он судорожно поднес одну руку к подбородку, второй попытался опереться о стол, но не удержался и стал заваливаться в сторону Всеволода, и, наверное, упал бы, если бы тот вовремя не поддержал его.

– Помогите, – заверещала Маринка, вскакивая со стула.

Десятки пар глаз с немим вопросом и интересом повернулись в нашу сторону. Всеволод усадил Аркадия на стуле, но, видно, дело было плохо. Глаза Аркадия закатились, руки безвольно повисли вдоль тела.

Как-то раз мне довелось видеть смерть человека от большой дозы стрихнина. Признаки были похожими, только тогда у молодого человека, которому сыпанули в бокал шампанского смертельную дозу, еще выступила на губах пена.

Я выхватила из сумочки сотовый и, набрав «ноль три», назвала ресторан.

– Отравление, – сказала я в трубку, – похоже на стрихнин.

Троица в малиновых пиджаках тоже наблюдала за происходящим за нашим столом, но наблюдала недолго. Как только я спрятала трубку в сумку, они дружно поднялись и направились к выходу.

– Что, – мерзко усмехнулся тот из них, который неудачно пытался пригласить меня на танец, – папашка, наверное, съел чего-нибудь.

– Пошел отсюда! – заорала на них Маринка, вытаращив глаза. – Ублюдок.

– Че ты сказала? – остановился было «малиновый пиджак», но приятели утянули его за собой.

– Айда, Кастрюля, не видишь, дама не в себе, – ухмыльнулся здоровяк с длинным лицом, на котором, кажется, навсегда застыло выражение полудебильного удивления.

– Давай, давай, вали отсюда, – агрессивно и насмешливо крикнула вдогонку им Маринка.

Всеволод попытался успокоить ее, дотронувшись до рукава ее, то есть, моего ажурного жакета.

Минут через пять подъехала «Скорая». Доктор, мужчина лет сорока с бородкой на круглом румяном лице, поднял Аркадию веки и внимательно осмотрел глаза.

Рядом с нами собралась уже приличная толпа. Здесь был и охранник, и официант, который нас обслуживал, вышел и директор ресторана – коротышка с совершенно лысой головой и большим животом. Из-за его плеча выглядывал шеф-повар в громадном накрахмаленном колпаке.

– Помогите отнести его в машину, – попросил доктор, глядя на директора.

– Цыбин, – проворковал директор, уставив свой палец-сардельку на охранника, – и ты Серж, – его палец переместился на официанта, – быстро. Чего вы стоите?

– Носилки в машине, – сказал доктор, расстегивая Аркадию верхние пуговицы на сорочке и принялся щупать пульс на его запястье. – Кто звонил на станцию? – доктор посмотрел на Маринку.

– Вот она, Бойкова, – Маринка кивнула в мою сторону.

– Что с ним? – обеспокоенно спросила я.

– Похоже, что вы были правы, – доктор пожевал губами и отпустил руку Аркадия, – это стрихнин. Хорошо, что не слишком большая доза. Промоем вашего мужа – будет как новенький.

«Это не мой муж», – собиралась я опровергнуть его предположение, но в это время подошли носилки, и Аркадия положили на них и понесли к машине.

– Ох ты, господи, – воскликнул замерший в растерянности Всеволод, – нужно же пальто его забрать!

И он кинулся следом. Народ тоже потихоньку потянулся на выход. Не все, правда, но человек десять – точно. Да и кому приятно ужинать в ресторане, где только что человек едва не отравился стрихнином?

– Господа, господа, – пытался остановить их директор, – мы обязательно во всем разберемся, вызовем милицию. Уверю вас, ресторан не имеет к этому никакого отношения. Ну куда же вы, оставайтесь! Всем, кто останется, предлагаю скидку пятьдесят процентов, да что там пятьдесят, все семьдесят.

Он энергично жестикулировал, но его никто не слушал.

– Ну что, – удрученно сказала я Маринке, – нам тоже пора идти.

– Ага, – согласно кивнула она.

После того, как отправили Аркадия, мучимый праздным любопытством народ, собравшийся возле нашего столика, быстро рассосался. Только директор, которому так и не удалось остановить клиентов, вернулся к нам.

– Уверю вас, – он вытаращил маленькие круглые глаза и раскинул в стороны коротенькие руки, преграждая нам путь, – наша фирма не имеет к этому никакого отношения. Пожалуйста, оставайтесь.

– Спасибо, что-то не хочется, – попыталась улыбнуться я. – В вашем заведении это первый случай?

– Да, да, да, – смешно закивал лысой головой директор, – конечно, первый и, надеюсь, последний. Это ужасно, ужасно! Такой инцидент! Теперь мы лишимся наших клиентов.

– Погодите причитать, любезный, – прервала я его, – скажите лучше, как спиртное попадает на стол клиентов?

– Пойдемте, я вам все покажу, – засуетился он, – здесь не должно быть никаких кривотолков.

И он засеменил на кухню, продолжая что-то бормотать себе под нос. Нам ничего не оставалось делать, как последовать за ним. Сами напросились.

– Пошли, – кивнула я Маринке, – хоть поглядим на святая святых французского ресторана.

Ефим Григорьевич, так звали директора «Триумфальной арки», провел нас через кухню и показал буфет, откуда официанты получают напитки. Через минуту к нам присоединился Серж и стал ходить следом. По ходу дела Серж объяснил, поглядывая в свой блокнотик, сколько коньяку он приносил на наш столик. Получилось, что после первого «полтинника» Аркадий с Владиславом заказали еще два раза по двести граммов, которые Серж и приносил им в небольших хрустальных графинчиках.

Вообще, на кухне и в буфете царила идеальная чистота. Над длинной электроплитой были установлены вытяжки. У столов трудились несколько поваров в накрахмаленных белоснежных халатах. Кухонная посуда сияла чистотой. Ничто не напоминало кухни совдеповских столовых, где на толстостенных алюминиевых кастрюлях, обычно красной или коричневой краской, были нанесены пометки, чтобы не сварить в кастрюле для первых блюд компот из сухофруктов, например.

– Ефим Григорьевич, – к нам подошел охранник, – вас там спрашивают.

– Кто еще? – директор недовольно повернул голову.

– Милиция, – таинственно произнес охранник.

– Черт, этого мне еще не хватало, – Ефим Григорьевич повернулся к нам. – Прошу меня извинить.

Он направился к выходу, мы потянулись за ним. Возле нашего столика, на котором уже была расставлена чистая посуда, стоял милиционер в расстегнутом бушлате с планшеткой в руке. В другой он держал шапку. На погонах у него тускло поблескивали три маленьких звездочки.

– Старший лейтенант Голубев, – представился милиционер. – Что у вас произошло?

– У нас здесь клиент один... – заискивающе произнес директор, – ему стало плохо. Но он уже в больнице, – поспешил добавить Ефим Григорьевич, – доктор сказал, что все будет в порядке.

– Значит, плохо стало? – выпятил губы старший лейтенант. – И отчего же?

– Не знаю, – покачав лысой головой, отчего она блеснула отраженным светом, сказал Ефим Григорьевич.

– Нам сообщили, что он отравился, – милиционер буравил директора пронзительным взглядом.

– Может быть, может быть, – робко улыбнулся Ефим Григорьевич, – пока еще ничего не ясно. Не хотите ли перекусить? За счет заведения, как говорится.

– Вообще, это дело районной санэпидстанции, – вздохнул милиционер, – пусть они и разбираются.

– Конечно, конечно, – директор расплылся в слащавой улыбке, – пойдемте со мной, вам накроют в отдельном кабинете.

Он со старшим лейтенантом вернулся на кухню, а мы с Маринкой остались стоять у столика.

– Пошли домой, – печально вздохнула Маринка, – нечего здесь теперь делать. И больше я в этот ресторан – ни ногой.

– Это твое дело, – задумчиво произнесла я, направляясь к гардеробу.

Глава 2

– Ну надо же как не везет, – ныла Маринка, пока мы шли по очищенной от мокрого снега улице, – только познакомишься с приятными людьми, так на тебе – неприятности!

Мы решили вернуться ко мне домой пешком. Правда, наши туалеты не очень подходили для подобной прогулки. Длинные и узкие платья мешали идти обычным шагом, так что наш променад превратился в подобие неуклюжего шествия.

– А тебе, я смотрю, этот Аркадий приглянулся, – хитро сощурила свои нагловатые глаза Маринка, – скажи, пожалуйста, такой неказистый, невзрачный, а что-то в нем есть. Вот что делают с человеком деньги!

– Что же? – заинтриговала меня эта вздорная Маринкина фраза.

– Ума добавляют! – засмеялась Маринка, явно недовольная моим унылым видом.

Я знала ее жизненное правило – прежде всего не давать никакому чувству увлечь себя надолго. Так, галопом – по Европам. Меня это ее качество раздражало, но иногда помогало настроиться на иной, более оптимистический лад.

– Черт знает что! – не выдержала я, потому что знакомство с этим «неказистым» Аркадием мне хотелось, если честно говорить, продолжить.

Маринка испуганно вытаращилась на меня. Сила моего темперамента заставляла ее порой умолкать и лишь опасно взглядывать на меня. С другой стороны, более выдержанная, чем она, я позволяла себе гневные вспышки редко, и если уж позволяла, то значит, по ее мнению, поводов было предостаточно. Вот и сейчас она даже приостановилась, дабы лучше рассмотреть перемену, произошедшую со мной.

– Что уставилась, – с шутливым раздражением одернула я ее, – да, этот Аркадий мне действительно понравился...

– А мне Сева... – прогнусавила она, – прямо настоящий итальянец! А глаза, глаза...

И она мечтательно закатила свои глазки.

– Ладно, – вздохнула я, – чему быть – того не миновать. Вековая мудрость. Значит, и у такого душки есть враги...

– Ты думаешь, ему специально подсыпали яд в рюмку?

– Не задавай идиотских вопросов, – огрызнулась я.

– А может, яд предназначался Севе? – Маринка широко раскрыла глаза и застыла на месте, уставившись недвижным взором в подмерзающую лужицу на тротуаре.

– Ага, Севе, – скептически проговорила я, насмешливо глядя на эту новоявленную пифию, – ты еще скажи, мне или тебе.

– А что? – блеснули Маринкины глаза. – Что, если кто-то решил тебе отомстить...

– ...и чудом узнал, что я иду сегодня в «Арку»? Или ты сообщила таинственному опасному незнакомцу это? – Я придала своему взгляду подозрительный оттенок.

– Скажешь тоже! – рассмеялась Маринка.

Слава богу, она не стала дуться, как обычно, и адекватно прореагировала на мое шутливое предположение.

– А ты что думаешь обо всем этом? – с пылкой заинтересованностью спросила Маринка.

– Тебе так важно узнать мое мнение? – недоверчиво пожала я плечами.

– Ты же у нас без пяти минут Шерлок Холмс, – с язвительной интонацией проговорила она.

– Все просто, как дважды два – четыре, – я достала из сумки сигареты и зажигалку, – Аркадия хотели отравить. Кто – мы пока знать не можем.

– Пока? – удивилась Маринка, принимая из моих рук сигарету.

– Нет, не смотри на меня так, у меня своих дел хватает. Я не собираюсь вмешиваться в это!

– Представь заголовки: «Бойкова разоблачила организаторов покушения на видного тарасовского предпринимателя, главу торговой фирмы «Венера»... фамилию я не знаю... – замялась Маринка, – ну, это не суть, узнаем, если что, или такой заголовок: «Такой-то, Аркадий Васильевич, глава торговой фирмы «Венера», и владелица крупнейшего тарасовского еженедельника «Свидетель» Бойкова Ольга решили обвенчаться пятнадцатого марта в соборе Святой Троицы. Ольга Бойкова проявила чудеса личной храбрости, в который раз доказав, что она способна практически в одиночку справиться с бандитами и...» Короче...

– Короче, заканчивай треп, – затынулась я, – с какой стати мне влезать в это? Ради Звезды Героя?

– Героини, – поправила меня недовольно поджавшая губы Маринка.

Ну, конечно, я не разделила ее восторга по поводу гипотетического заголовка в газете! Именно это мне сейчас и инкриминировалось.

– И что ты пристала ко мне с этим Аркадием Васильевичем? – строго посмотрела я на эту сводню. – Кстати, заголовки должны быть лаконичными и яркими... Это тебе на будущее.

– Тогда, – не унималась Маринка, – «Любовь и яд в жизни папарацци».

– Как-то вяло, безвкусно даже, сказала бы я. – Я поморщилась.

– Ну-у, – задумалась сбита с толку силой и безоговорочностью моего критического суждения Маринка, – «Реми Мартен» – напиток любви и смерти»!

– Это уже лучше, – улыбнулась я.

Маринка еще долго досаждала мне помпезными заголовками и хныканьем по поводу смазанного окончания вечеринки. Так мы дошли до дома. Разоблачились и разбрелись по комнатам. Я строго-настрого запретила Маринке приставать ко мне с любыми вопросами и выкладками ее праздного ума. Мне хотелось выспаться и поскорее забыть, какой обаятельный лис этот Аркадий Васильевич.

* * *

– Придумала! – с этим криком ко мне в спальню ворвалась Маринка.

Я ошалело глянула на будильник: без семи восемь.

– Какого черта в такую рань?! – возмутилась я, готовая испепелить Маринку взглядом.

– Как устроить твою жизнь! – возбужденно кричала Маринка, не обращая никакого внимания на мое крайнее недовольство ее наглым вторжением в мою опочивальню.

– Что ты плетешь? Ты украла у меня семь минут драгоценного сна...

– Эдак всю жизнь проспий! – хохотала она. – Бери мобильник и...

Она держала в руке свою записную книжку.

– ...у меня здесь Севин сотовый записан.

Она нашла нужную страничку и с горделивой радостью принялась мне диктовать номер.

– Да че ты сидишь? – гневно прикрикнула она на меня. – Бери, – Маринка подлетела к тумбочке и, схватив сотовый, впихнула его мне в руку, – ну-у! – свела она брови на переносице.

– Ты что себе позволяешь! – обуреваемая праведным гневом, приподнялась я на подушках, отбросив мобильник в сторону.

– Звони Севе, – с досадой воскликнула она, – или дай я сама!

Она потянулась за трубкой, но я, смеясь и злясь одновременно, перехватила ее дерзкую руку и затолкала сотовый под подушку.

– О-о! – простонала неистовая Маринка. – Аркаша наверное еще в больнице...

– Неизвестно... – против воли включилась я в разговор.

В этот момент запищал будильник. Я торопливо выключила его и с сожалением покачала головой, мол, не нужна мне сегодня, Васек (так я окрестила будильник), твоя услуга.

– Что ты задумала? – недоумевала я.

– К Аркашке в больницу! Собирайся! Но прежде всего – звонок Севе. Узнаем, куда его отвезли, как он... Так ведь этого же элементарная вежливость требует! – возбужденно верещала Маринка.

– Нет, у тебя точно не все дома, – озадаченно глядела я на подругу, – и потом, не вежливость нашего визита требует, а твое вечное желание интриговать и устраивать будущее тех, кто в этом совсем не нуждается, – осекла я Маринку.

– Не нуждается, – поставив руки в боки, передразнила она меня, – да ты понимаешь, каких мы мужиков упускаем? И главное, впервые получилось так, что парой – на пару: сплошная гармония! Помнишь, как бывало, тебе один кто-нибудь нравится, а мне его друг – ни в какую! Или наоборот, – задыхаясь, тараторила Маринка, – дай, я сама позвоню.

Она умоляюще смотрела на меня. Мне не оставалось ничего другого, как протянуть ей телефон. Конечно, это было с моей стороны чистым малодушием. Мне просто надоело спорить с ней. Иногда я пускаюсь с ней в дискуссии, иногда предпочитаю уступить. В глубине души я надеялась, что Аркадий уже дома, а посему наш «визит вежливости» к нему в больницу не состоится по воле обстоятельств, так сказать. Да, иногда и я грешила тем, что пыталась переложить ответственность на эти самые безличные обстоятельства. Мне даже нравилось это выражение: «стечение обстоятельств». Все как бы «стекает» помимо твоей воли и желания в какую-то воронку, которая и тебя уносит в водоворот, откуда выбраться нет никаких сил и возможностей. Ты смиряешься, уходишь под воду на некоторое время, а всплыв на поверхность, умно так всем говоришь, мол, обстоятельства, что я могла сделать, посудите сами...

– Сева, доброе утро, – вывел меня из задумчивости бодрый и кокетливый Маринкин голос, – да... А у вас? Лучше? Аркадий в больнице? Передавай ему привет и пусть быстрее поправляется. Да нет, мы сами передадим, – она как-то стыдливо рассмеялась. – Когда? Так скоро? А-а, – облегченно протянула она, – значит, мы еще успеем подъехать. Ага, ага. Ха-ха... Ну-у, какой у него номер? Я тоже думаю, что это будет очень кстати. Да нет, мы ему звонить не будем, нагрянем без предупреждения, сделаем сюрприз. Лучше позвонить? Да ладно... Где он? Ага, ага... Бай-ба-ай, – жеманно пропела она напоследок.

– Да, «мастерица виноватых взоров...», – процитировала я строчку стиха поэта серебряного века, – как это все у тебя складно получается!

– Вставай, карета подана, – она небрежно бросила сотовый на постель, – я варю кофе, а ты – в ванную!

– Нет, ты чего раскомандовалась? – возмутилась, но уже без должной убежденности я. Для вида, можно сказать.

Маринка одарила меня обворожительно-наглой улыбкой и исчезла. Я потеряла глаза, потянулась, подумала о том, почему бы действительно не навестить Аркадия, и, надев халат, поплелась в ванную. За завтраком Маринка только и делала, что многозначительно улыбалась, поигрывала плечами и без умолку болтала о ждущей нас с нею жизни в райских куцах выгодного замужества. Я еле сдерживалась, чтобы не послать ее к черту. Наконец, покончив с едой и сборами, мы сели в машину и направились во вторую горбольницу. Из машины я позвонила Кряжимскому, предупредила, что могу задержаться. Маринка прямо вся сияла.

– Конечно, Севику я не увижу, но Аркаша – это для меня ступенька на пути к Севе, – делилась она со мной своими стратегическими соображениями, хотя никто ее об этом не просил, – вот только, Оль, не обижайся, зря ты кожаные брюки надела и пиджак этот, – скривила она губы в скептической усмешке.

– Это почему же?

– Женственности это не придает, – со знанием дела заявила Маринка, – а такие тонкие ценители прекрасного пола, как Аркадий с Севой, именно женственность прежде всего хотят видеть и находить в женщинах.

– Тавтология какая-то! Женское в женщинах! – иронично усмехнулась я. – Что же, потвоему, брюки и строгий пиджак могут помешать «таким тонким ценителям», как наши знакомые, разглядеть во мне особу женского пола?

– Это не шутки, – с комичной серьезностью ответила Маринка, – я дело говорю.

– Ты всегда дело говоришь, – позволила я себе ехидный смешок.

* * *

Раздобыв ценой героических усилий халаты (сменную обувь мы захватили с собой), мы поднялись на второй этаж. Аркадий лежал в палате-люкс, рассчитанной на одного человека. Наш приход, однако, не вызвал у него ожидаемой нами реакции. Он совсем не обрадовался, а та самая улыбка, которая вчера покорила меня своей лукавой лучезарностью и ленивой благожелательностью, сегодня лишь тускло мерцала на его тонких невыразительных губах. Тем не менее он сделал хорошую мину при плохой игре – все-таки годков-то ему было не двадцать, и он вполне усвоил привычку воспитанных людей покрывать лицемерной филигранью дежурной улыбки нежелание видеть человека, ради которого ему приходилось упражняться в хороших манерах.

– Аркадий Васильевич! – чрезмерно оживленно воскликнула Маринка, стремящаяся за такой вот непринужденной, почти фамильярной радостью скрыть свое замешательство. – Мы счастливы вас видеть в добром здравии.

Ненатуральность Маринкиного восторга заставила меня поморщиться, а Аркадия – растянуть губы в более широкой улыбке.

– Я тоже рад вас видеть, – выдавил из себя он, – не ожидал, честно признаюсь.

Я хотела сказать, что, мол, тоже не ожидала и не догадывалась, что моей милой подруге придет сегодня утром в голову мысль осуществить этот проклятый «визит вежливости».

– Всеволод сообщил, где вы и как вы. – Маринка поставила на тумбочку пакет с фруктами, которые вынудила меня купить по дороге.

– А это что? – сыграл радостное удивление Аркадий.

– Фрукты. Чтобы вы быстрее поправились, – неловко добавила смущенная не меньше меня и Аркадия Маринка.

Ее план «райской жизни» рушился на глазах. В свою очередь, как особа более рефлексивная, я строила предположения относительно того напряжения и недоумения, в которые поверг Аркадия наш «визит вежливости». Понятно, он не ожидал, растерялся. Одно дело – в ресторане, во всем блеске манер и возможностей кошелька, другое – в больнице, после того, как глотнул стрихнина. Может, он за свой внешний вид переживает, думая, что бледен, осунулся, постарел. Такое ведь бывает, хотя это и не от него зависит. Но мужчины, это ж такие тщеславные и гордые существа, что малейший изъян их внешности или проявление слабости характера способны, по их мнению, сильно навредить им в глазах женщин, а то и окончательно разрушить тот социальный и духовный престиж, которым они привыкли окружать себя. Тем более такой крутой дядя, глава фирмы...

Я опустила на стул рядом с Маринкой и, уступая ее настойчивым и выразительным взглядам, поинтересовалась самочувствием Аркадия.

– Да меня выписывают через час, – рассмеялся он, но опять с какой-то натянутостью.

– Вот как? Что же, Всеволод тебе не сказал? – обратилась я к Маринке.

Наверное, заметив в моем голосе раздражение, Аркадий, как человек воспитанный и любезный, пришел Маринке на выручку.

– Вы мне доставили удовольствие своим визитом, не сомневайтесь, просто я не в своей тарелке, – он озабоченно посмотрел на часы, – избавлю вас от неприятных, чисто физиологических подробностей учиненного вчера врачами надо мной, так сказать, спасительного произвола... Ограничусь лишь тем, что скажу, что чувствую себя, как это принято говорить в подобных заведениях, – сдержанно улыбнулся он, – удовлетворительно, вернее, чувствовал до сих пор, пока не увидел вас. Теперь мое физическое и моральное самочувствие могло бы стать предметом зависти для любого мужчины.

Он лукаво покосился на нас, и на миг я узнала в нем вчерашнего благодушного и остроумного Аркадия Васильевича.

В этот момент дверь люкса распахнулась, и в палату вошла женщина лет так тридцати восьми. Худошавая шатенка, волосы которой мягкими волнами падали на плечи, бросила на нас с Маринкой удивленный взгляд и подошла к постели «больного». Она наклонилась к Аркадию Васильевичу и чмокнула его в щеку.

– Доброе утро, дорогой, – монотонно произнесла она. – Кто это?

– Познакомься, Кристина, – Аркадий приподнялся на локте, – это Марина и Ольга, они из газеты. Представляешь, они хотят написать о произошедшем вчера со мной.

«Гладко врет, подлец, – подумала я, – не подкопаешься. Похоже, это его жена. Кажется, Кристина, он сказал».

– Ольга, – представилась я, поправляя «Никон», который, слава богу, висел у меня на плече под халатом.

– Марина, – робко улыбнулась моя подруга.

– Кристина Леонидовна, – дама гордо подняла голову и, хоть и была со мной одного примерно роста, посмотрела на нас сверху вниз.

У нее были большие чувственные губы, четко очерченные, прямой, немного длинноватый нос, миндалевидные карие глаза и высокий лоб.

– Вы действительно собираетесь об этом писать? – после затянувшейся паузы поинтересовалась она.

– Возможно, – пробормотала я. – Сначала нужно выяснить все подробности случившегося. «Свидетель» не публикует слухов.

– Похвально, – на лице Кристины Леонидовны появилось подобие улыбки, – я что-то слышала о вашей газете.

«Что-то слышала», – фыркнула я про себя и покосилась на Маринку. – Ну, ты у меня получишь, несчастная! Так меня подставить!» Я ни секунды не сомневалась, что Кристина Леонидовна – жена Аркадия.

– О нашей газете многие слышали, – мягко улыбнулась я, делая вид, что польщена. – Кстати, если мы вам мешаем общаться с мужем, – заявила я, – мы можем поговорить с Аркадием Васильевичем в другой раз. До свидания, Аркадий Васильевич. До встречи.

Я кивнула «больному» и направилась к двери.

– Честное благородное, Оленька, я не знала, – начала свою песню Маринка, когда мы уже порядочно отошли от палаты Аркадия Васильевича.

– Честное? – я остановилась и резко повернулась к ней. – Благородное? – меня просто распирало от бешенства. – Можешь ничего мне не доказывать. Я просто уверена, что ты действительно ничего не знала. Ты никогда ничего не знаешь! Как только увидишь существо более-менее похожее на мужика, тебя больше ничего не интересует. Сразу вся расплываешься, как кисель по тарелке, смотреть противно. Хорошо еще, что она про фрукты ничего не спросила. А я-то, ну это ж надо, так купиться на твои байки! Так опростоволоситься! Так мне и надо! Все, с этой минуты я больше не буду слушать бредни моей секретарши! Развесила уши: такие мужчины, приглашают в ресторан, самые серьезные намерения, полная гармония... Тюшки-тю-тюшки... Тьфу, самой противно. О, горе мне, горе, – к концу моего плача мне и

самой стало смешно себя слушать, но виду я не подавала: Маринка должна получить по заслугам.

– Так ведь, Оль... – попыталась что-то вставить она.

– Что, Оль? Что? – я почти дышала ей в лицо. – Хотела, чтобы я с женатым мужиком закрутила? Нет, я ничего не имею против женатых, только я должна об этом знать! А ты, вместо того чтобы... А, что тебе говорить...

Я остановилась, потому что на глаза Маринки навернулись слезы. Видимо, я переборщила.

– Не плачь, тушь потечет, – вздохнула я, – пошли, проветримся.

Маринка шмыгнула носом и пошла следом. Мы вернули халаты, переобулись и вышли на улицу.

– Ты больше не сердишься? – Маринка тронула меня за руку.

– С чего ты взяла, что я сердилась на тебя? – я не оборачиваясь подошла к машине и села за руль.

Маринка торопливо устроилась рядом.

– Я ведь, честное слово, не знала, что Аркадий женат, – Маринка немного приободрилась. – Следующий раз буду осмотрительнее.

– Следующего раза не будет, – я запустила двигатель и достала сигареты.

– Дай-ка мне тоже, – Маринка потянулась к пачке. – Но вообще-то, они ничего, правда?

– В каком смысле «ничего»? – я щелкнула зажигалкой, поднесла пламя Маринке и прикурила сама.

– В смысле, порядочные мужики, – Маринка глубоко затянулась. – Не бандиты, не уроды, не педики.

– О господи, – вздохнула я, – только педиков нам еще не хватало.

– Да что ты к словам придираешься? – Маринка довольно быстро пришла в себя и снова обрела способность противоречить мне. – Я имела в виду, импозантные, во всяком случае, Сева... Не жмоты... А что Аркаша женат, так это дело поправимое – можно и развестись.

– Нет, хватит, – резко тормознула я ее, – ничего не хочу больше слушать о мужиках!

Я включила скорость и осторожно выехала со стоянки на дорогу.

– Да ты не нервничай так, – Маринка словно не слышала меня, – если он тебя полюбит, Аркаша, я имею в виду, а он, кажется, запал на тебя, ты прямо ему скажи, мол, буду с тобой жить, только если ты с женой разведешься. Он хоть с виду и тихий, но мне кажется, решительный. И жена, похоже, у него стерва. Такую не грех и кинуть...

– Марина, – вклинилась я в ее тираду, – посмотри на меня.

– Ну, – Маринка недоуменно вперила в меня свой взгляд.

– Разве я похожа на женщину, которая будет гоняться за мужиком, да к тому же еще и женатым?

– Нет, конечно, – потупилась она, – только...

– Что только?

– Только ты на меня не обижайся, Олечка, – жалобно сказала она, уставившись прямо перед собой, – но за счастье надо бороться, а не ждать, пока оно к тебе само явится. Так можно до старости прождать.

– А Аркаша, – я насмешливо скосила на нее глаза, – это как бы и есть мое счастье, да?

– Может быть, – она опустила окно и выбросила окурок на улицу, – все может быть. Ты только не нервничай.

– Ладно, разберемся, – кивнула я, – все равно нам нужно будет нанести Аркадию Васильевичу еще один визит, по крайней мере. Теперь, когда он представил нас своей жене и сказал, что мы собираемся писать о нем, придется, я думаю, покопаться в этом деле с отравлением. Кто-то же бросил ему стрихнин в рюмку. А жена у него, ты правильно сказала, похожа

на стерву. Если бы она узнала, что ее муженек погуливает от нее, вполне могла бы отправить его на тот свет.

– Но ее же не было вчера в ресторане, – возразила Маринка, – да и не догадывалась она, наверняка, о том, что Аркадий будет в ресторане.

– А я и не сказала, что она сама подбросила отраву своему муженьку. Могла кому-нибудь поручить. Помнишь, сколько народа там вчера было. А насчет того, что она не догадывалась о ресторане, этого ты наверняка знать не можешь. – Неужели ты думаешь, – Маринка всем корпусом повернулась ко мне, – что Аркадий все ей рассказал?

– Я только сказала, что мы ни в чем пока не можем быть уверены. Кроме разве того, что Аркадий Васильевич отравился стрихнином.

Я свернула во двор дома, где располагалась редакция, и остановила «Ладу» на стоянке.

– Пошли, – я захлопнула дверцу, – обсудим все как следует за чашкой кофе.

– Пошли, – согласилась повеселевшая по дороге Маринка. – И уж кофе я сварю что надо, в этом можешь не сомневаться.

* * *

Мой заместитель, Сергей Иванович Кряжимский, пока Маринка готовила кофе, доложил о всех сегодняшних звонках и посещениях. Ничего существенного не произошло, дела шли своим чередом. Я пригласила его в свой кабинет, где за чашкой кофе сообщила о том, что с нами случилось вчера вечером и сегодня утром. Выслушав меня, он поправил на носу очки и выдал свою версию случившегося.

– А ты не думаешь, – поставил он чашку на стол, – что отравление Аркадия Васильевича было простой случайностью?

– То есть как случайностью? – я приподняла плечи. – Кто-то случайно уронил в его рюмку стрихнин?

– Нет, – покачал головой Кряжимский, – отраву положили в рюмку сознательно, – но то, что эта рюмка оказалась у Аркадия Васильевича, получилось, может быть, случайно. С таким же успехом стрихнин могли сунуть тебе, Маринке или вообще, любому из посетителей.

– О-о, – воскликнула Маринка, – я поняла – это дело рук маньяка-отравителя.

– Я имел в виду немного не то, – не переставая быть серьезным, сказал Кряжимский, – но, в принципе, ты не далека от истины. Яд могли подсыпать конкуренты владельцев ресторана. Вы же сами сказали, что клиенты сразу после случившегося начали расходиться по домам. И думаю, те, кто был свидетелем произошедшего, не скоро снова появятся за столиками «Триумфальной арки». Да и другие завсегдатаи, услышав об этом инциденте, могут перестать ходить туда.

– Мысль интересная, – задумалась я, – надо будет ее тоже проработать. Но проще всего осуществить этот план было официанту или тому, кто сидел за столиком вместе с Аркадием Васильевичем.

– Это нам, что ли, с тобой? – насмешливо спросила Маринка.

– Кроме нас с тобой, там был еще Всеволод Александрович.

– Да ты что! – воскликнула Маринка. – Ему-то это зачем было нужно?

– Я не говорю, что это сделал он, – я закурила, – а только констатирую тот факт, что он вполне мог незаметно положить яд в рюмку Аркадия. Сделал или нет, это предстоит нам выяснить. Я думаю, с Всеволода Александровича мы и начнем. А Аркадий Васильевич пусть пока окончательно придет в себя.

– Да я уверена, что Сева никогда бы не сделал ничего подобного, – насупилась Маринка.

– Ты в этом убеждена? – ехидно спросила я. – Сколько ты его знаешь, два дня? И ты берешься делать такие утверждения?

– Ну, – продолжала упорствовать Маринка, – руку бы на отсечение я не дала, конечно, но подозревать такого мужчину в отравлении... По-моему, это мелко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.